

«СЕМЬЯ ООН»: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ЧЛЕНЫ¹

АЛЕКСАНДР КУТЕЙНИКОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

Статья призвана отразить смену дискурса ООН, которая в будущем году отметит семидесятилетний юбилей, связанную с переходом от рассмотрения организации как межправительственной структуры к ее восприятию в качестве института глобального управления. Цель статьи состоит в характеристике современных исследовательских подходов к изучению ООН, выявлении его новых компонентов и раскрытии механизмов и способов его формирования.

Современный дискурс ООН отмечен, во-первых, постановкой новых исследовательских проблем. Исследователи дополняют разрабатывавшиеся ранее темы безопасности и прав человека новыми сюжетами. В частности, они уделяют значительное внимание финансовым аспектам деятельности организации, вопросам миростроительства, участия негосударственных субъектов в деятельности ООН. Во-вторых, традиционным темам исследования организации даётся новая интерпретация, например, человеческая безопасность трактуется как составная часть обеспечения коллективной безопасности.

Особое внимание в современных публикациях уделяется проблематике новых субъектов в системе ООН и активизации их деятельности. К ним относятся преимущественно негосударственных структуры, включая неправительственные организации, группы давления, экспертные сообщества. Новые негосударственные участники рассматриваются как элементы «внутреннего институционального дизайна» международной организации, а не как источники внешнего влияния на нее. В отличие от традиционных игроков, включающих государства и их объединения или блоки, они создают более тесные связи с Секретариатом ООН. Последняя тенденция обусловлена совпадением их целей и интересов ооновской бюрократии.

Обобщение накопленных знаний об ООН и новейших тенденциях развития организации дает основания для более глубокого осмысления ее места в современном мире. Организация Объединенных Наций представляется не только площадкой взаимодействия государств. Она становится значительно более сложным по своему составу учреждением, вбирающим в себя в качестве равнозначных компонентов разнообразные государственные и негосударственные элементы.

Ключевые слова:

Организация Объединенных Наций; международные субъекты; международная организация; дискурс; негосударственные субъекты; коллективная безопасность.

Последнее десятилетие было отмечено существенным концептуальным сдвигом в академической рефлексии по поводу деятельности и предназначения ООН: в науч-

ных публикациях организацию стали все чаще рассматривать как институт глобального управления, тогда как прежде она воспринималась в качестве межправи-

¹Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-07-00020.

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: alex.kuteynikov.sociology@gmail.com

тельственной структуры, обеспечивающей площадку для взаимодействия великих держав [Кутейников 2012]. Понятие «смены дискурса», широко применяемое в современных исследованиях международных отношений², вполне подходит для отражения совокупности идейных новаций, содержащихся в недавних работах, посвященных ООН [Jolly 2009; Spijkers 2011].

Анне Хаммерштад в книге «Подъем и упадок субъектов глобальной безопасности» [Hammerstad 2014] вдумчиво и обстоятельно пытается разобраться в причинах повышенного внимания современных исследователей к проблематике дискурса. По словам исследователя, часто способ репрезентации проблемы, решение которой входит в мандат международной организации, оказывается только риторической оболочкой, не связанной напрямую с подлинными интересами государств и ожиданиями от действий объединения, членами которого они состоят [Hammerstad 2014: 8]. Своей книгой автор стремится способствовать тому, чтобы международные организации «помогали государствам сотрудничать» сознательно, с учетом их реальных, а не декларируемых предпочтений. В частности, им следует приводить в исполнение договоренности в рамках создаваемых режимов, осуществлять наблюдение, развивать, и укреплять его с помощью оперативных действий, способствуя взаимодействию правительств [Hammerstad 2014: 8-9].

Опираясь на концепцию классика английской школы международных исследований Х. Булла, Хаммерштадт рассматривает современную межгосударственную систему как общество норм и институтов, которые определяют поведение государств. Природа этого социума и правила, которыми оно руководствуется, предстают исторически обусловленными конструктами. Международное общество интересубъектно, оно создается, поддерживается и изменяется его участниками, постоянно меняется содержательно в процессе их взаимо-

действия и не имеет статичной природы [Hammerstad 2014: 9].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы посредством критического анализа показать, что же собой представляет современный дискурс об ООН, выявить его содержательные компоненты и постараться понять механизмы и способы его формирования. Основным предметом изучения стали работы, изданные в 2013-2015 годах. В отдельных случаях даются ссылки на более ранние издания, представляющиеся важными для раскрытия темы. В поле внимания попали, в основном, публикации крупных издательств — именно они, пополняя академические библиотеки, транслируют и тиражируют дискурс ООН в сообществе нынешних и будущих специалистов-международников.

1

В публикациях последних лет прослеживается возвращение в дискурс ООН темы коллективной безопасности, которую некоторое время назад потеснили исследования «более модных вариантов» безопасности [Swain 2013; MacFarlane, Foong 2006]. В то же время этой традиционной концепции дается новая интерпретация.

Так, Гари Вильсон в своей последней работе [Wilson 2014] отказывается от привычного нормативного подхода к анализу доктринального содержания ооновской системы коллективной безопасности. Вместо этого автор обращается к изучению того, как задача поддержания мира реализуется в практической деятельности организации и как она эволюционировала в последнее время. Рассмотрев ключевые этапы эволюции этого явления от первых операций ООН до реакции Совета Безопасности на социально-политические выступления в Северной Африке и на Ближнем Востоке, он приходит к заключению, что трансформация системы коллективной безопасности определяется политическими приоритетами великих держав [Wilson 2014: 58]. В то же время он отмечает ряд

² Теме дискурса был посвящен №1 журнала «Международные процессы» за 2013 год.

существенных новелл в современной системе. Во-первых, несмотря на то что государства остаются основными игроками, сегодня угрозы безопасности исходят преимущественно от негосударственных участников международных взаимодействий. Из этого следует, что механизмы системы ООН должны применяться и для оказания принуждения по отношению к последним [Wilson 2014: 7].

Во-вторых, доминантой содержания коллективной безопасности при неизменности ее базиса стала *личностная безопасность* [Wilson 2014: 18]. Введение в обиход доктрины «ответственности по защите» (R2P), фактически принятой Всемирным саммитом 2005 года, свидетельствует об этом. В результате теперь не международно-правовые нормы определяют рамки действий организации, а субъективное понимание международными игроками состояния безопасности дает основание для их произвольных действий.

О расширении понимания коллективной безопасности свидетельствует и работа Николаса Цануриуса и Нигеля Уайта. Изложение современного понимания этого понятия завершается в книге главой, посвященной вопросу об индивидуальной уголовной ответственности [Tsagourias, White 2013: 385-410], которая рассматривается как неотъемлемая составная часть данной проблематики.

Суфиан Друби представил существенно отличный от анализа Г. Вильсона взгляд на Совет Безопасности ООН. Автор утверждает, что СБ был создан как орган не только поддержания коллективной безопасности в отношениях великих держав, но и глобального управления [Droubi 2014: xvi]. В работе проводится мысль, что Устав ООН представляет собой конституционный акт международной системы [Droubi 2014: 27]³. В качестве подтверждающего обстоятельства автор обращает внимание на относительную неизменность документа, обеспеченную сложностью процедуры его изме-

нения. В этом смысле он схож с конституционным законодательством большинства государств.

С. Друби утверждает, что с момента окончания «холодной войны» происходит постоянное усиление СБ, однако ему приходится действовать в окружении других субъектов, в отношениях между которыми явно недостаточно согласия и четких правил. Вот почему у государств появляется возможность оказывать несиловое противодействие [Droubi 2014: xvii-xviii] выполнению обязывающих резолюций Совета на основании их несоответствия положениям Устава или нормам *jus cogens* (общим принципам международного права). В связи с этим в книге вводится понятие конституционного сопротивления [Droubi 2014: 44].

В работе также содержится анализ шести конкретных примеров подобных действий государств. Среди них: сопротивление ЮАР требованиям прекратить политику апартеида и вывести войска из Намибии; иракская политика обхода экономических санкций; противодействие со стороны Боснии и Герцеговины эмбарго на поставки вооружений; отказ Ливии от выплат компенсации жертвам террористического акта; несогласие Ирана приостановить деятельность в ядерной области; введение индивидуальных санкций, направленных на пресечение терроризма [Droubi 2014: 65-167]. Сопротивление имеет разные формы, включая как гражданское неповиновение, так и правительственную политику [Droubi 2014: 219, 222].

Противодействие резолюциям Совета Безопасности со стороны государств автор оптимистично считает средством укрепления международного порядка, поскольку оно выступает механизмом развития права ООН [Droubi 2014: 216]. В завершение работы он предлагает введение нового механизма опротестовывания санкций [Droubi 2014: 226], создание которого содействовало бы тому, чтобы Совет Безопасности мог

³ Подобное понимание лежит в русле некоторых современных теорий международного конституционализма [Wet de 2013]

эффективнее осуществлять глобально-управленческую деятельность.

Одной из самых глубоких и «самых спокойных» по манере изложения, но не по содержанию, публикаций недавнего времени, посвященных ООН, стала книга датского дипломата Карстена Стаура — постоянного представителя Дании при организации в 2007-2013 годах⁴. Эта работа особенно ценна тем, что дает не отстраненное, а личностное представление об ООН, хотя и представляет собой обстоятельное объяснение того, что сейчас делает организация [Staur 2013].

Мастерское владение дипломатическим языком позволяет автору выстраивать формулировки, которые выглядят осторожными и взвешенными. Они, оставляя простор для субъективных оценок, в то же время последовательно создают вполне определенную логику объяснения деятельности организации. Автор начинает книгу с высказывания Д. Хаммаршельда и на протяжении всего повествования прибегает к другим цитатам из речей генерального секретаря, до сих пор остающегося, пожалуй, самым ревностным из всех руководителей ООН поборником максимальной автономии организации.

К. Стаур дал анализ и оценку ведущихся в ООН переговоров, отмечая, что в последнее время они становятся все более сложными по процедуре проведения, хотя многие участники считают их необходимыми [Staur 2013: 30]. Автор выделяет шесть факторов, объясняющих нарастание дисфункциональности переговоров, оговаривая, что в каждом конкретном случае их влияние различно [Staur 2013: 31]. Первый заключается в том, что история ООН — это главным образом история деколонизации. США и государства-члены ЕС контролируют более половины мировой экономики, и странам, недавно освободившимся от колониальной зависимости, сложно с ними действовать на равных.

Второй фактор — внутренняя динамика групп государств, сложившихся в ООН.

Особенно негативно она сказывается на сплоченности «Группы 77», в которой сейчас более 130 членов. Коалиция объединяет страны, чрезвычайно разнородные в географическом, политическом и экономическом отношении. В ней пытаются найти общие подходы страны от Бразилии до Мальдивских островов, от Кубы до Саудовской Аравии. То, что наряду со слаборазвитыми экономиками в группе присутствуют Мексика и Южная Корея, принятые в организацию наиболее развитых стран ОЭСР, свидетельствует о том, как прямо пишет автор, что «шизофрения становится слишком очевидной».

Третий фактор — это отношение к правам человека развивающихся стран. Например, показателен случай, когда африканские государства не заинтересованы обсуждать ситуацию в этой области в Зимбабве. При этом они поддерживают документы глобального охвата, подтверждающие приверженность таким нормам. Четвертый фактор — рекомендательный, а не обязывающий характер резолюций Генеральной Ассамблеи и даже — на деле — Совета Безопасности [Staur 2013: 32-34]. Пятый — фундаментальные противоречия между двумя основными органами, выдвигающими разные подходы к решению одних и тех же вопросов [Staur 2013: 35]. Шестой — изменение повестки дня в ходе развития ООН, что является отражением изменения глобальных интересов: организация создавалась для обеспечения безопасности, но включилась в процессы деколонизации, развития и т.д. [Staur 2013: 36].

2

С учетом изменения повестки дня ООН изучение традиционных вопросов безопасности, прав человека [Freedman 2014; United 2014], развития [International... 2014] современные авторы совмещают с освещением новых аспектов функционирования организации. В частности, они уделяют

⁴ The Board of Trustees // UNITAR. URL: <http://www.unitar.org/board-trustees> (дата обращения 01.05.2015).

значительное внимание негосударственным субъектам, включенным в деятельность системы ООН. Книга Молли Ральман, например, призвана дать ответ на вопрос о том, почему такие организации в некоторых случаях получают право участвовать в деятельности межгосударственных объединений [Ruhlman 2015: 2].

Под негосударственными субъектами автор понимает всех, кто не является ни государствами, ни союзами государств [Ruhlman 2015: 11], тогда как в научной литературе встречаются и другие интерпретации этой категории [The Ashgate 2011]. Существенное отличие его книги от других работ, по словам самого М. Ральмана, состоит в том, что эти участники международных взаимодействий рассматриваются как элементы «внутреннего институционального дизайна» глобальных управляющих механизмов, а не как источники внешнего влияния на них [Ruhlman 2015: 3].

Исследователь выявляет несколько вариантов взаимодействия негосударственных субъектов с ООН:

1) вовлеченность на руководящем уровне (upstream engagement), предполагающая консультации по общему управлению или менеджменту организации;

2) вовлеченность на низовом уровне (downstream engagement) — новые игроки становятся партнерами, имплементирующими решения, принятые в ООН;

3) представленность и включенность, дающие возможность неправительственным организациям распространять документы или действовать в качестве наблюдателей в существующих рабочих группах;

4) участие — «высшая форма» сотрудничества, связанная с глубоким погружением негосударственных субъектов в процесс работы ООН и доступом к той же информации, которая предоставляется государствам. В этих условиях отсутствие возможности для неправительственных организаций принимать участие в официальных голосованиях не играет существенной ограничительной роли [Ruhlman 2015: 5].

Помимо этого, М. Ральман рассматривает четыре модели участия негосударственных субъектов в глобальном управлении. Первый вариант — активизм — предполагает, что социальные движения оказывают давление на международные организации с целью их демократизации. Во втором варианте ООН рассматривается как «распространитель норм», формирующий глобальную повестку дня и содействующий установлению глобального консенсуса в трактовке ценностей демократического участия, что способствует привлечению негосударственных субъектов к работе международной организации. Третья модель основана на артикулировании неправительственными организациями социальных требований, поскольку глобализация создает управленческий разрыв, который государства и межправительственные организации не могут преодолеть самостоятельно. Наконец, последний вариант участия негосударственных субъектов связан с предоставлением правительством возможностей для них включиться в деятельность государства, поскольку это способствует усилению государственной власти и достижению его собственных интересов [Ruhlman 2015: 19].

Развиваемая автором книги объяснительная модель опирается на выделение трех составных частей ООН (бюрократия организаций, индивидуальные государства-члены, их формальные и неформальные объединения), каждая из которых становится самостоятельным субъектом во взаимодействиях с неправительственными организациями. Все эти типы действий исходят из собственных интересов. Для основной бюрократии, представленной Секретариатом организации, данные интересы связаны с успешным выполнением ее мандата, включая организационное выживание. Интересы сообщества государств сводятся к тому, чтобы осуществлять управление международной организацией и успешно вести многосторонние переговоры. Государства по отдельности стремятся добиться существенных преференций и решить свои внутренние поли-

тические задачи в связи с обсуждаемой повесткой дня.

Интересы негосударственных субъектов в наибольшей степени совпадают с целями Секретариата и заключаются в эффективном выполнении организацией ее миссии [Ruhlman 2015: 22-23]. Подобная общность задач создает основания для вовлечения неправительственных организаций в работу ООН. В результате ответ на вопрос о том, «на кого работает» межгосударственная организация представляется неочевидным.

З

Вопросы реформирования ООН и прежде всего ее Совета Безопасности, обсуждаемые уже не один десяток лет, по-прежнему представляют интерес для исследователей. Этой теме, в частности, посвящена работа Сабины Хасслер [Hassler 2013], в которой рассматривается современное состояние дебатов о возможных преобразованиях в этом органе. При этом автор обращает внимание на то, что символический смысл получения даже непостоянного места в СБ для государств оказывается более значим, чем конкретные, субстантивные выгоды [Hassler 2013: 197]. Она характеризует такое положение как «иллюзию представленности».

В то же время широкий круг исследователей оценивают проблему участия стран в деятельности Совета Безопасности с прямо противоположных позиций. В частности, растущее внимание приобретает практика «продажи голосов» непостоянными членами. Платой за поддержку в Совете Безопасности становится увеличение объемов финансовой помощи со стороны крупных стран, а также международных финансовых институтов.

Проведенные количественные исследования подтверждают, что непостоянные члены СБ ООН получают больше иностранной помощи, чем те, кто не избирается в Совет. При этом колеблющиеся члены Совета получают больше финансовой помощи, чем страны, изначально занимающие сформированную позицию по

проблеме, особенно когда требуется поддержать наиболее важные резолюции [Vreeland, Dreher 2014].

С помощью теории игр Фрилэнд и Дрейер доказывают, что резолюция №1441, принятая в 2002 г. и содержавшая требования к Ираку обеспечить сотрудничество с представителями МАГАТЭ [Vreeland, Dreher 2014: 81], была принята единогласно, несмотря на то что первоначально расклад сил в Совете предполагал другие результаты. Подобному итогу способствовало то, что семь колеблющихся членов Совета Безопасности (Сингапур, Болгария, Коумбия, Мексика, Камерун, Гвинея и Маврикий) получили солидную помощь от США именно в год принятия резолюции [Vreeland, Dreher 2014: 83-85].

Подобный случай не стал исключительным. Он отражает устоявшуюся практику. Непостоянные члены СБ ООН пользуются двусторонней помощью со стороны США и Японии в обмен на поддержку при голосовании по вопросам всемирного характера и Африки, помощью Германии в случае голосования по глобальным проблемам. В отличие от своих партнеров Британия и Франция не замечены в попытках влияния на непостоянных членов по линии двусторонней помощи.

Одновременно, судя по существующим статистическим расчетам, колеблющиеся непостоянные члены получают выгоды от доступа к ресурсам некоторых финансовых механизмов Мирового банка, Азиатского банка развития, Африканского банка развития и Африканского фонда развития. Участие в программах МВФ и получение займов Фонда зависит от совпадения позиций стран с политикой США при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН [Vreeland, Dreher 2014: 184-187].

Несмотря на выявленные компрометирующие практики, авторы, тем не менее, высказываются за увеличение числа членов Совета Безопасности и за учреждение новых мест с правом вето, а также за продление срока пребывания непостоянных членов в составе Совета [Vreeland, Dreher 2014: 229-241].

В последнее время растущее внимание экспертов вызывает расширение содержательного фокуса работы Совета Безопасности. С конца 1990-х годов в практику этого органа входит согласование и принятие тематических резолюций, которые становятся новым инструментом законотворчества в международной системе. К ним относятся, например, резолюция № 1261 о защите детей в вооруженных конфликтах, резолюция № 1265 о защите гражданских лиц или резолюция № 1269 о противодействии терроризму. В отличие от решений СБ ООН по отдельным странам тематические резолюции затрагивают все государства, и в некоторых случаях создают международные режимы с соответствующими механизмами регулирования [Security 2014: 1-2]. Такой сдвиг свидетельствует о том, что «глобальный полицейский», в качестве которого Совет Безопасности выступал раньше, становится также и «глобальным законодателем».

В то же время встает вопрос о месте тематических резолюций в системе международного права. Для многих экспертов наличие юридической власти у Совета не является очевидным. Например, Ноэлль Кениве утверждает, что следует говорить о Совете Безопасности в большей степени как об исполнителе, нежели о законодателе [Security 2014: 160], а Оливия Бош в этом контексте использует термин «квазизаконотворческая роль» [Bosh 2014: 97].

Так или иначе значительная часть специалистов признает наличие у СБ ООН ограниченной законодательной функции. Борьба с терроризмом, положение женщин, защита гражданских лиц, охрана окружающей среды, участие детей в вооруженных конфликтах, мониторинговые механизмы [Security 2014: 168], временные трибуналы [Security 2014: 241] – все это стало или может стать предметом законотворчества Совета. Более того, семантический анализ резолюций СБ устанавливает,

что их структура аналогична логике законодательных актов государств [Breakey 2014]⁵. Подобная интерпретация деятельности Совета как нормотворческой требует применения теории разделения властей к трактовке распределения полномочий между главными органами ООН [Wouters, Odermatt 2014] и разрешения вопроса о доверии к юридическим нормам [Security 2014: 195], вводимым СБ. Действуя как законодатель, Совет Безопасности вступает на поле, на котором у него имеются серьезные потенциальные соперники [Security 2014: 181-191]. Даже в рамках ООН наблюдаются противоречия в подходах к международному регулированию СБ и Генеральной Ассамблеи [Security 2014: 100].

4

В освещенных публикациях дискурс ООН осмысливается на основе серьезной и глубокой аналитической работы. В то же время появляются книги, в которых проведение идеологической и пропагандистской линии значительно более заметно. В этом смысле особенности дискурса ООН проявляются в них гораздо отчетливее.

Х. ван Ассельт в своем междисциплинарном исследовании [Asselt van 2014: 7-9] обращается к изучению глобальной проблемы изменения климата. Он ставит задачу выявления взаимосвязей между климатическим режимом, установленным Рамочной конвенцией ООН об изменении климата, и разнообразными управленческими порядками по климату, существующими независимо от нее. Климатический режим ООН не может рассматриваться изолированно, другие существующие механизмы также должны приниматься во внимание [Asselt van 2014: 5]. Автор предлагает концепцию фрагментации, позволяющей описать «пересечение» многочисленных режимов друг с другом.

Х. ван Ассельт стремится к поиску наиболее оптимальной стратегии для админи-

⁵ Persing Security Council resolutions. A five-dimensional taxonomy of normative properties // The Security Council as Global Legislator / Ed. by V. Popovsky; T. Fraser. London; New York: Routledge. P. 51-70.

стрирования взаимодействий между ними [Asselt van 2014: 6]. Сегодня регулирующие режимы в области противодействия изменению климата достигли столь развитых форм, что нуждаются в механизмах межрежимного регулирования. В этой связи книга ван Ассельта носит практико-ориентированный характер и, в частности, должна помочь субъектам, некоторые из которых одновременно участвуют в разных режимах, понять, как лучше использовать человеческие, финансовые и технические ресурсы для выполнения различных соглашений по климату [Asselt van 2014: 7]. В качестве объектов взаимодействия выступают как сами режимы, так и отдельные их компоненты, например институты или нормы мягкого права. Последствия их взаимодействия сводятся к двум основным типам: конфликтному и синергетическому [Asselt van 2014: 52–58].

В изложении автора климатические режимы выступают как автономные самодостаточные сущности. При этом вопросы о том, в чьих интересах они создаются, о противоречиях между субъектами по поводу международного регулирования он не поднимает. В сходной манере картину международного энергетического управления рисуют исследователи Лондонского университета [Leal-Arcas et al 2014].

В аналогичном, ревизионистском, ключе известные специалисты в области изучения миростроительства Л. Камерон и В. Шантал подходят к вопросу об использовании частных военных компаний в миротворческих операциях ООН. Ход рассуждений авторов о том, возможно ли делегирование проведения операций этим негосударственным субъектам, основан на концепции «подразумеваемых полномочий» международной организации, широко распространенной среди западных исследователей. Ограничение их действий рамками только эксплицитных полномочий [Cameron, Chetail 2013: 30–31] не позволяет реализовать их мандат. Именно подразумеваемые полномочия, считают авторы, определяют основания для использования Организацией Объединенных

Наций силы [Cameron, Chetail 2013: 20]. При этом делаются «смягчающие оговорки» о том, что актуализация подразумеваемой компетенции, во-первых, должна служить улучшению деятельности организации, во-вторых, не нарушать фундаментальных принципов международного права или Устава ООН [Cameron, Chetail 2013: 31].

Поскольку у ООН есть опыт делегирования полномочий НАТО и ЕС, а также опыт проведения гибридной миссии вместе с Евросоюзом, то возникает вопрос: почему бы не передавать выполнение ряда задач частной военной компании? По мнению Кэмерона и Шантала, Совет Безопасности имеет право, хотя и в ограниченных масштабах, делегировать проведение миротворческих операций негосударственным субъектам. Подобный шаг требует обеспечения со стороны Генерального секретаря действенного контроля, а частная военная компания должна соблюдать принципы миротворчества. [Cameron, Chetail 2013: 38].

Наряду с вопросами привлечения неправительственных субъектов к миротворчеству растущее значение приобретают финансовые аспекты такой деятельности [Sheehan 2011]. С учетом ограниченных ресурсов ООН возникает вопрос о поисках альтернативных способов ее обеспечения. Некоторые из них, например выпуск кредитной карты ООН или учреждение международной лотереи, признаются однозначно неприемлемыми [Sheehan 2011: 296]. Однако есть и более перспективные модели. Авторы возвращаются к популярной в 1990-х и 2000-х годах идее привлечения Североатлантического альянса к «миротворческому аутсорсингу». Но теперь это предлагается делать не по политическим, а по финансовым причинам: «книга настоятельно рекомендует, чтобы НАТО была использована Организацией Объединенных Наций в роли глобальной мирной полицейской силы» [Sheehan 2011: 303].

Проблемы миротворчества и миростроительства приобретают особую значимость при изучении деятельности ООН в послед-

ние годы. К изданным ранее справочно-информационным материалам [Post-conflict 2009] недавно добавился учебник издательства «Ратледж» [Routledge 2013], а также две четырехтомных хрестоматии. Первая из них выпущена в 2014 г. в издательстве «Сейдж» [Peacebuilding 2014]. Один из томов посвящен субъектам миро-стоительства. Второй четырехтомник, да-тированный 2015 г. вышел в издательстве «Ратледж» [Peacebuilding 2015]. Он состав-лен из 78 статей или глав из книг, опубли-кованных с 1976 года, начиная со статьи Й. Галтунга, в которой вводился термин «миростроительство». Подборки статей в обеих хрестоматиях объединяют ранее из-данные работы в принципиально новом порядке, причем среди них есть даже те, которые очень отдаленно связаны с традиционным пониманием этой темы. Создается впечатление, что мирострои-тельство, во-первых, приобрело всеплан-етный размах, во-вторых, пронизывает практически все аспекты международных отношений, включая развитие, благосо-стояние, справедливость и верховенство права, демократизацию, построение граж-данского общества.

* * *

Согласимся с А. Хаммерштадт – пробле-ма дискурса действительно актуальна для новейших исследований системы ООН. Его смена проявляется в появлении новых тем, постановке новых вопросов, в суще-ственном изменении характера объяснения «традиционных сюжетов». Особое внима-ние в современных публикациях уделяется проблематике участия в деятельности ООН разнообразных субъектов. Причем имеют-ся в виду не только государства—члены ООН. Часто внимание исследователей об-ращено на «новых субъектов». Попытки построения их «канонического списка» по-ка не привели к успеху, но обычно под ни-ми подразумеваются другие международ-ные организации или блоки государств, бюрократия ООН, неправительственные организации, группы давления, эксперт-ные сообщества. Накапливаемый материал дает основание для более детализирован-ного понимания ООН, представляющей собой не только организационную структу-ру союза государств, но «более сложное» по своему составу учреждение, включаю-щее в качестве компонентов как государ-ства, так и других игроков.

Список литературы

- Кутейников А. Е. Международные межправительственные организации: теоретико-социологический анализ. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012.
- Asselt van H. The Fragmentation of Global Climate Governance. Consequences and Management of Regime Interactions. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2014. P. 7–9.
- Bosh O. The legislative evolution. Security Council Resolution 1540 revisited // The Security Council as Global Legislator / Ed. by V. Popovsky; T. Fraser. London; New York: Routledge, 2014. P. 97–123.
- Breakey H. Persing Security Council resolutions. A five-dimensional taxonomy of normative properties // The Security Council as Global Legislator / Ed. by V. Popovsky; T. Fraser. London; New York: Routledge, 2014. P. 51–70.
- Cameron L., Chetail V. Privatizing War. Private Military and Security Companies under Public International Law. Cambridge etc. Cambridge University Press. 2013.
- Droubi S. Resisting United Nations Security Council Resolution. London; New York: Routledge, 2014.
- Freedman R. Failing to Protect. The UN and the Politisation of Human Rights. London: Hurst & Company, 2014.
- Hammerstad A. The Rise and Decline of a Global Security Actor. UNHCR, Refugee Protection, and Security. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Hassler S. Reforming the UN Security Council Membership. The illusion of representativeness. London; New York: Routledge, 2013.
- International Development. Ideas, Experience, and Prospects. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Jolly R., Emmerij L., Weiss T. D. UN Ideas That Changed the World / Foreword by Kofi A. Annan. Bloomington; Indianapolis, 2009.
- Leal-Arcas R., Filis A., Abu Gosh E. S. International Energy Governance. Selected Legal Issues. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2014.

- MacFarlane S. N., Foong Khong Y. *Human security and the UN : a critical history*. Bloomington: Indiana University Press, 2006.
- Peacebuilding. *Critical Concepts in Political Science* / Eds V. Chetail, O. Jütersonke. Vol. I–IV. London; New York: Routledge, 2015.
- Peacebuilding. Vol. I–IV. Los Angeles etc.: SAGE, 2014.
- Post-conflict Peacebuilding: A Lexicon / Ed. V. Chetail. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Routledge Handbook of Peacebuilding. London; New York: Routledge, 2013.
- Ruhlman M. A. *Who Participates in Global Governance? States, bureaucracies and NGOs in the United Nations*. London; New York: Routledge, 2015.
- Sheehan N. *The Economics of UN Peacekeeping*. London; New York: Routledge, 2011.
- Spijkers O. *The United Nations, The Evolution of Global Values and International Law*. Cambridge etc.: Intersentia, 2011.
- Staur C. *Shared Responsibility. The United Nations in the Age of Globalization*. Montreal etc. McGill–Queen's University Press, 2013.
- Swain A. *Understanding Emerging Security Challenges. Threats and Opportunities*. London; New York: Routledge, 2013.
- The Ashgate Research Companion to Non-State Actors // Ed. B. Reinalda. Surrey; Burlington: Ashgate, 2011.
- The Security Council as Global Legislator / Ed. by V. Popovsky; T. Fraser. London; New York: Routledge, 2014.
- The United Nations Security Council in the Age of Human Rights / Eds. Genser J., Ugarte B. S. New York: Cambridge University Press, 2014.
- Tsagourias N., White N. D. *Collective Security. Theory, Law and Practice*. Cambridge; New York, 2013.
- Ulfstein G. *Law-making by human rights treaty bodies* // *International Law-making. Essays in Honour of Jan Klabbers*. London; New York: Routledge, 2014. P. 249–257.
- Vreeland J. R., Dreher A. *The Political Economy of the United Nations Security Council. Money and Influence*. New York: Cambridge University Press, 2014.
- Wilson G. *The United Nations and Collective Security*. London; New York: Routledge, 2014.
- Wouters J., Odermatt J. *Quis custodiet consilium securitatis? Reflections on the law-making powers of the Security Council* // *The Security Council as Global Legislator* / Ed. by V. Popovsky; T. Fraser. London; New York: Routledge, 2014. P. 71–96.

“UN FAMILY”: OLD AND NEW MEMBERS

ALEXANDER KUTEYNIKOV

St. Petersburg State University, St. Petersburg 199034, Russia

Abstract

The article provides an analytical review of academic monographs on the United Nations published in 2013–2015. The author of the article defines the general trend of the research of the UN as “a change of the UN discourse”, transitioning from the handling of the UN as an intergovernmental organization to its understanding as an institution of global governance. The purpose of the article consists in characterizing an up-to-date UN discourse, identifying its recent components, and exploring the mechanisms and ways of its formation.

Modern UN discourse is characterized, firstly, by new research subjects and the formulation of new research questions. Contemporary authors supplement previously developed themes of security, human rights, and development by new issues; in particular, they pay considerable attention to the financial aspects, peace-building, and participation of non-state actors in UN activities. Secondly, a new

The author would like to acknowledge the support of the Russian Foundation for Humanities in preparing this publication within the framework of a research project No 13-07-00020.

interpretation has been given to traditional subjects of the study of Organization; for example, human security is treated as an integral part of the basis and substantive purposes of collective security. Special attention in modern publications is devoted to the issues of so-called new actors participating in the UN system and the increasing of their activities. New actors are mostly non-state actors, including non-governmental organizations, pressure groups, expert communities, etc. New non-state actors are viewed as elements of the internal institutional design of international organization, and not as sources of external impact on it. Unlike the “old” actors, including states and their associations or blocs, they create closer links with the UN Secretariat than as states do as a result of the convergence of interests between the the Secretariat and non-state actors.

Generalization of accumulated knowledge on the UN and latest trends in the development of the organization provides the basis for a more detailed understanding of the UN. The United Nations is not only the organizational structure of the union of states, it is a much more complex institution that includes a variety of state and non-state elements as components.

Keywords:

United Nations; international actor; international organizations; discourse; non-state-actors; collective security.

References

- Asselt van H. (2014). *The Fragmentation of Global Climate Governance. Consequences and Management of Regime Interactions*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, P. 7–9.
- Bosh O. (2014) The legislative evolution. Security Council Resolution 1540 revisited. In: *The Security Council as Global Legislator*. Ed. by V. Popovsky; T. Fraser. London; New York: Routledge, P. 97–123.
- Breakey H. (2014). Persing Security Council resolutions. A five-dimensional taxonomy of normative properties. In: *The Security Council as Global Legislator*. Ed. by V. Popovsky; T. Fraser. London; New York: Routledge, P. 51–70.
- Cameron L., Chetail V. Privatizing War. (2013). *Private Military and Security Companies under Public International Law*. Cambridge etc. Cambridge University Press.
- Droubi S. (2014). *Resisting United Nations Security Council Resolution*. London; New York: Routledge.
- Freedman R. (2014). *Failing to Protect. The UN and the Politisation of Human Rights*. London: Hurst & Company.
- Hammerstad A. (2014). *The Rise and Decline of a Global Security Actor. UNHCR, Refugee Protection, and Security*. Oxford: Oxford University Press.
- Hassler S. (2013). *Reforming the UN Security Council Membership. The illusion of representativeness*. London; New York: Routledge.
- International Development. Ideas, Experience, and Prospects*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Jolly R., Emmerij L., Weiss T. D. (2009). *UN Ideas That Changed the World*. Foreword by Kofi A. Annan. Bloomington; Indianapolis.
- Kuteynikov A. (2012). *Mezhdunarodnie megpravitelstvennie organisatsii: teoretiko-sociologicheskii analiz* [International Intergovernmental Organizations: A Theoretical and Sociological Analysis]. Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Sankt Peterburgskogo Universiteta.
- Leal-Arcas R., Filis A., Abu Gosh E. S. (2014). *International Energy Governance. Selected Legal Issues*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar.
- MacFarlane S. N., Foong Khong Y. (2006). *Human security and the UN: a critical history*. Bloomington: Indiana University Press.
- (2015) *Peacebuilding. Critical Concepts in Political Science*. Eds V. Chetail, O. Jütersonke. Vol. I–IV. London; New York: Routledge.
- (2014) *Peacebuilding*. Vol. I–IV. Los Angeles etc.: SAGE.
- Post-conflict Peacebuilding: A Lexicon*. Ed. V. Chetail. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Routledge Handbook of Peacebuilding*. London; New York: Routledge, 2013.
- Ruhlman M. A. (2015). *Who Participates in Global Governance? States, bureaucracies and NGOs in the United Nations*. London; New York: Routledge.
- Sheehan N. (2011). *The Economics of UN Peacekeeping*. London; New York: Routledge.
- Spijkers O. (2011). *The United Nations, The Evolution of Global Values and International Law*. Cambridge etc.: Intersentia.
- Staur C. (2013). *Shared Responsibility. The United Nations in the Age of Globalization*. Montreal etc. McGill–Queen's University Press.

- Swain A. (2013). *Understanding Emerging Security Challenges. Threats and Opportunities*. London; New York: Routledge.
- (2011) *The Ashgate Research Companion to Non-State Actors*. Ed. B. Reinalda. Surrey; Burlington: Ashgate.
- (2014) *The Security Council as Global Legislator*. Ed. by V. Popovsky; T. Fraser. London; New York: Routledge, .
- (2014) *The United Nations Security Council in the Age of Human Rights*. Eds. Genser J., Ugarte B. S. New York: Cambridge University Press.
- Tsagourias N., White N. D. (2013). *Collective Security. Theory, Law and Practice*. Cambridge; New York.
- Ulfstein G. (2014). Law-making by human rights treaty bodies. In: *International Law-making. Essays in Honour of Jan Klabbers*. London; New York: Routledge. P. 249–257.
- Vreeland J. R., Dreher A. (2014). *The Political Economy of the United Nations Security Council. Money and Influence*. New York: Cambridge University Press.
- Wilson G. (2014). *The United Nations and Collective Security*. London; New York: Routledge.
- Wouters J., Odermatt J. (2014). Quis custodiet consilium securitatis? Reflections on the law-making powers of the Security Council. In: *The Security Council as Global Legislator*. Ed. by V. Popovsky; T. Fraser. London; New York: Routledge, P. 71–96.